

A movie poster for the film 'Two Little Bandits for Egor Nikity'. The background is a vibrant forest scene with tall pine trees and a small wooden cabin. In the foreground, a man in a green jacket stands with his arms crossed, looking concerned. A woman in a pink jacket points upwards with a surprised expression. Two children, a boy in a blue jacket and a girl in a pink jacket, are sitting on the ground. The boy is building a small structure out of logs, and the girl is holding a fluffy tabby cat. The title is written in large, bold letters: 'ДВА' (Two) in green, 'МАЛЕНЬКИХ' (Little) in pink, and 'БАНДИТА' (Bandits) in green. Below the title, 'ДЛЯ ЕГЕРА НИКИТЫ' (for Egor Nikity) is written in green and pink. At the bottom, the author's name 'УЛЬЯНА СОБОЛЕВА' (Ulyana Soboleva) is displayed on a wooden plank.

ДВА МАЛЕНЬКИХ БАНДИТА

ДЛЯ ЕГЕРА НИКИТЫ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Два маленьких бандита для Егеря Никиты

<https://litres.ru/74328788>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда московская мамочка Валя с шестилетними двойняшками Ромой и Катей отбивается от туристической группы и, заблудившись, попадает к домику угрюмого егеря Никиты Ивановича, начинается настоящая война миров!

Он — бывший военный, двадцать лет прячущийся от людей в лесной глуши. Она — городская принцесса, которая боится каждой букашки и требует немедленной эвакуации с GPS-навигатором.

Но пока взрослые ругаются — она считает его опасным дикарём, а он её истеричной мамашей, — дети уже всё решили за них

Но разве в тайге всё бывает так просто?

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ульяна Соболева

**Два маленьких бандита
для Егеря Никиты**

Два маленьких бандита для Егеря Никиты

Аннотация

Когда московская мамочка Валя с шестилетними двойняшками Ромой и Катей отбивается от туристической группы и заблудившись попадает к домику угрюмого егеря Никиты Ивановича, начинается настоящая война миров! Он — бывший военный, двадцать лет прячущийся от людей в лесной глуши. Она — городская принцесса, которая боится каждой букашки и требует немедленной эвакуации с GPS-навигатором. Но пока взрослые ругаются — она считает его опасным дикарем, он ее истеричной мамашей — дети уже решили все за них... Но разве в Тайге все бывает так просто?

Глава 1

Господи, за что мне это? За грехи молодости, что ли? Я же просто хотел проверить капканы, а тут... Мать честная, что за цирк у моего дома развернулся!

Сначала думал — медведица с медвежатами забрела. Шум-то какой! Но медведица хотя бы рычит по делу, а тут... тут визг стоит, как будто целый детский сад в котел с кипящей водой упал.

Подхожу ближе, а у моего домика — картина маслом! Сидит тетка в розовой куртке (розовой, Карл!), размером примерно с небольшой холодильник, и ревет белугой. Рядом двое карапузов копошатся в моих дровах, как кроты в огороде. Один малой пытается из поленьев что-то строить, второй — девчонка — моего кота Генерала тискает, бедолагу.

— Мама, не плачь! — орет мальчишка. — Мы дом построим! Как у Робинзона!

— А котик больной, — заявляет девчонка, разглядывая моего одноглазого воина. — У него глазик болит. Надо лечить!

Тетка в розовом всхлипывает пуще прежнего:

— Здесь же медведи! И волки! И... и комары!

Стою, смотрю на это безобразие и думаю: «Вот же черт, туристы добрались и до моей глуши!» А ведь специально

в самую задницу мира забрался, чтобы от людей подальше. Двадцать лет покоя имел, двадцать лет! И вот тебе — нате, получите и распишитесь.

Кашляю громко. Вся компания на меня оборачивается. Тетка аж подпрыгивает от страха, дети наоборот — глаза распахивают, как будто Деда Мороза увидели.

— Простите, — начинает тетка дрожащим голосом, — мы заблудились. Скажите, где тут ближайшая гостиница? Или хотя бы автобусная остановка?

Смотрю на нее, как на инопланетянку. Гостиница! В тайге! Да тут до ближайшей деревни сорок километров по медвежьей тропе.

— Гостиниц тут нет, — говорю сухо. — И остановок тоже. У тетки лицо становится цвета ее куртки.

— Как нет?! А где мы тогда ночевать будем? У меня дети маленькие! Им нужен душ, теплая кровать, детское питание!

Мальчишка бросает свое строительство и подбегает ко мне:

— Дядя, а ты живешь в настоящем лесу? А медведей видел? А волков? А можно твой дом посмотреть?

Девчонка тоже приплелась, но с котом в обнимку:

— Дядя, а почему у котика один глазик? Его кто-то обидел? Можно я его полечу?

Генерал, старый служака, терпеливо сносит детские ласки. Он у меня уже семь лет, после того как браконьеры дробью его зацепили. Тогда еще думал — зачем мне это полу-

слепое чудо? А теперь вот... лучший друг, можно сказать.

— Отойдите от человека! — визжит тетка. — Он может быть... опасным!

Опасным! Да я для них опаснее, чем любой медведь. Медведь хотя бы просто съест и не будет мучить долго. А я их тут терпеть должен до утра, слушать их причитания.

— Меня зовут Валентина, — представляется тетка, явно собравшись с духом. — Валентина Найденова. А это мои дети — Рома и Катя. Мы от туристической группы отстали...

Найденова! Ну надо же, как в воду глядел. Хотя скорее уж «потерянова» какая-то.

— Северский, — буркаю в ответ. — Никита. Иванович.

— Очень приятно, Никита Иванович, — защебетала Найденова. — Скажите, а у вас есть мобильная связь? Мне нужно срочно позвонить в МЧС, пусть нас заберут.

МЧС! Ну конечно, куда же без них. Сейчас они тут вертолеты посадят, всю живность распугают, следы затопчут...

— Связи нет, — отвечаю коротко. — До ближайшей вышки километров тридцать.

У Найденовой глаза наполняются слезами. Опять зарыдает сейчас.

— Как нет?! А что нам делать?! Я же городской человек! Я в лесу ни разу не ночевала! У меня аллергия на пыльцу! А у детей астма может начаться от дыма костра! Рома вон недавно болел...

Астма от дыма костра! Да наши предки тысячами у

костров жили, и ничего — здоровее нас были. А эти тепличные... Впрочем, чего от них ждать.

Мальчишка — Рома, кажется — тем временем принялся обследовать мой домик:

— Дядя Никита, а почему у тебя окна такие маленькие? А зачем столько дров? А это что за штука? — тычет пальцем в мой радиоприемник.

— Рома, не трогай чужие вещи! Катя, отпусти кота он может быть бешеным! — одергивает его мамаша.

Бешеная тут пока что только она.

— А откуда у котика шрам? — не унимается девчонка. — И почему он такой грустный? Ему больно?

Генерал грустный... Ну да, есть такое. После ранения характер у него испортился. Раньше игривый был, а теперь сидит, думает о чем-то своем. Философ, одним словом.

— Он не грустный, — говорю. — Он умный. Думает.

— О чем он думает? — серьезно спрашивает Катя.

— О том, как хорошо жить в лесу. Без городских.

Намек Найденова не понимает. Или понимает, но игнорирует.

— Никита Иванович, — снова начинает она, — может быть, вы знаете, как добраться до трассы? Я заплачу за проводника...

— Тридцать километров пешком, — отвечаю. — По медвежьим тропам. Ночью. С детьми.

Лицо у нее становится зеленоватым.

— А... а может быть, мы могли бы у вас переночевать? — голос дрожит. — Я понимаю, что это неудобно, но...

Вот оно! Именно этого я и боялся. Сначала «переночевать», потом «а можно еще на денек», а там глядишь — поселятся насовсем. Знаю я этих городских. Сначала в лес за романтикой ездят, потом жаловаться начинают, что комаров много и удобств нет.

— У меня тут не гостиница, — говорю жестко.

— Но мы же пропадем! — всхлипывает Найденова. — У меня дети!

Дети тем временем уже освоились. Рома притащил откуда-то мою старую удочку и пытается ее «починить»:

— Дядя Никита, а эта палка сломана? Можно я ее склею?

— Это удочка, — объясняю.

— А зачем такая длинная? А почему веревочка тонкая? А крючок зачем?

Вопросов у пацана как у следователя. И все по делу, надо признать.

Катя тем временем обнаружила мою аптечку:

— Ой, а это что? Лекарства? Можно котiku укольчик сделать? У меня дома есть игрушечный шприц!

— Катя, положи это немедленно! — визжит мамаша. — Это же опасно!

Опасно... Да что в ней опасного, в аптечке-то? Зеленка, йод, бинты. Максимум — расстройство желудка от активированного угля будет. И то скорее наоборот.

Солнце уже клонится к горизонту. Скоро темнеть начнет. А эти городские в темноте через лес не поведут — переломают себе все, что можно. Да и детей жалко. Не их вина, что мамаша их в лес потащила без мозгов.

— Ладно, — вздыхая тяжело. — Ночевать оставайтесь. Но утром — марш отсюда.

Найденова расцветает как подснежник на солнце:

— Спасибо! Огромное спасибо! Мы вам очень благодарны! Мы не будем мешать, честное слово!

Не будут мешать! Да у меня уже голова болит от их галдежа. А впереди еще целая ночь...

— Ура! — вопит Рома. — Мы будем жить в настоящем лесу! Как индейцы!

— А я буду лечить всех зверушек! — подхватывает Катя.

Генерал посмотрел на меня своим единственным глазом так укоризненно, что я чуть не рассмеялся. Мол, хозяин, совсем ты сдался. Раньше и собачников отсюда гнал, а тут целый детский сад принял.

— Только правила соблюдать будете, — говорю строго. — Мой дом — мои порядки.

— Конечно-конечно! — кивает Найденова. — А какие правила?

— Первое — без разрешения ничего не трогать. Второе — за территорию участка не ходить. Третье — животных не дразнить и не кормить всякой гадостью.

— А что такое гадость? — спрашивает Катя.

— Конфеты, печенье, чипсы — вся ваша городская отравка.

Найденова возмущенно сопит:

— Извините, но это не отравка, а нормальные продукты! Дети должны получать углеводы и витамины!

— Витамины они и в лесу получают. А углеводы... — показываю на поленницу. — Вон дрова есть, наколете — картошку печь будем, углеводов на всю зиму хватит.

Она смотрит на меня, как на сумасшедшего. А я усмехаюсь. Ничего, проживет пару дней в лесу — быстро городские замашки отобьются.

Рома тем временем добрался до моего рабочего стола:

— Дядя Никита, а это что за карты? А эти значки что означают? А почему тут красные крестики?

— Это карта заповедника, — объясняю. — Красные крестики — места, где животных раненых находил.

— Ты ветеринар? — восхищенно спрашивает Катя.

— Егерь. Лес охраняю.

— А от кого охраняешь? — интересуется Рома.

Хороший вопрос. От кого... От таких же туристов, как они. От браконьеров. От дураков, которые костры не тушат. От всех, одним словом.

— От плохих людей, — говорю коротко.

— А хорошие люди есть? — спрашивает Катя.

Задумываюсь. Восемь лет назад я бы сказал «нет». А сейчас... Смотрю на эту девчонку с серьезными глазами, на па-

цана, который мою карту изучает как боевую сводку, и думаю: «А может, и есть...»

— Есть, — отвечаю. — Редко, но есть.

Найденова тем временем принялась осматривать мой домик:

— А где здесь туалет? И душ? И кухня?

Туалет! Душ! Да что она думает — я тут пятизвездочный отель содержу?

— Туалет за домом, в будке. Душ — речка в ста метрах. Кухня — вон плита, — показываю на свою печку-буржуйку.

Лицо у Найденовой вытягивается в трубочку:

— Как это — в будке? А если дождь? А речка же холодная! А плита... на дровах?!

— А вы как думали? — усмехаюсь. — Что тут газопровод проложен?

Дети зато в восторге:

— Мама, как интересно! — пищит Катя. — Как у древних людей!

— А можно я дрова принесу? — спрашивает Рома. — Я сильный!

Найденова хватается за голову:

— Рома, ты еще маленький! Можешь спину надорвать!

Спину надорвать от пары поленьев! Да в его возрасте я уже печку сам топил и воду из колодца носил. А этот небось даже мусор дома не выносит.

— Ничего не надорвет, — говорю. — Мужик растет.

Рома расправляет плечи и гордо марширует к пленнице. Настоящий солдат! А вот мамаша за ним увязалась — контролировать, небось.

Катя подходит ко мне с Генералом на руках:

— Дядя Никита, а можно я котику сказку расскажу? Мама говорит, больным сказки помогают.

Генерал, старый циник, даже не сопротивляется. Видать, и ему детская ласка приятна.

— Рассказывай, — разрешаю.

И вот сижу я, суровый лесной отшельник, слушаю, как шестилетняя девчонка рассказывает моему коту сказку про Колобка. А кот мурлычет — первый раз за полгода!

Эх, Никита, Никита... Куда ты своих принципов подевал? Раньше от детского плача в соседних деревнях затычки в уши совал, а тут... Видать, старею. Добреть начинаю.

Но ничего, утром все закончится. Отведу их к дороге, и снова будет мне тишина и покой. А Генерал пусть привыкает обратно к одиночеству. Хватит ему сказки слушать!

Хотя... а вдруг не хватит?

Глава 2

Господи, во что я влипла! Сижу в какой-то избушке на курьих ножках, вокруг дремучий лес, а рядом... рядом сидит настоящий дикарь! Волосатый, немытый, в клетчатой рубашке, которая, кажется, помнит еще динозавров. И смотрит на меня, как волк на бабушку Красной Шапочки.

Нет, хуже — как медведь на банку с горчицей!

А дети... О боже, дети! Они носятся по этой берлоге, как угорелые, и все хватают, все исследуют. Рома уже успел разобрать какой-то непонятный механизм (я подозреваю, что это был радиоприемник), а Катя... Катя пытается сделать «операцию» одноглазому коту при помощи моей зубочистки!

— Катенька, положи это немедленно! — шиплю я, пытаюсь отобрать у дочери импровизированный скальпель. — Не трогай кота!

— Мама, но коту же больно! — возмущается дочь. — Видишь, он плачет!

Смотрю на кота. Честное слово, никаких слез не вижу. Наоборот, морда у него такая довольная, как будто его в первый раз за год погладили. Но объяснять это шестилетнему ребенку... Это как пытаться доказать блондинке, что дважды два не пять.

— Котик не плачет, он... он просто устал, — выдумываю на ходу.

— Генерал не устал, — вмешивается в разговор наш «гостеприимный» хозяин. — Он просто старый. И умный. В отличие от некоторых.

Намек понимаю сразу. Хамло лесное! Да я за свои годы уже три университета закончила, а он тут сидит, как Робинзон Крузо, и еще умничает!

— Простите, — говорю с достоинством, — но мы люди цивилизованные. Мы привыкли к определенному уровню комфорта.

— Комфорт, — усмехается Северский. — Это когда задница к дивану приклеена, а мозги — к телевизору?

Возмущению моему нет предела! Да как он смеет! Я же мать-одиночка, я работаю, содержу детей, плачу ипотеку...

— Дядя Никита, — вмешивается Рома, — а почему у тебя так пыльно? Мама говорит, пыль — это мертвые клещи, и от них аллергия бывает.

Мертвые клещи! Я же говорила им об этом, когда мы убрались дома! А теперь сын повторяет при посторонних, и звучит это... не очень умно.

— Рома, не говори глупости, — одергиваю сына.

— Это не глупости, — возражает наш хозяин. — Пыль действительно бывает от клещей. Только не мертвых, а живых. Микроскопических.

Рома хлопает глазами:

— А они кусаются?

— Еще как, — серьезно отвечает Северский. — Особенно

городских. Они чувствуют, кто слабенький.

— Никита Иванович! — возмущаюсь я. — Не пугайте детей!

— Я не пугаю. Я просвещаю.

Просвещает! Ну и просветитель! Наверняка закончил три класса церковно-приходской школы и считает себя профессором.

Катя тем временем обнаружила умывальник — точнее, то, что этот дикарь считает умывальником. Эмалированный тазик с отбитыми краями и кувшин времен царя Гороха.

— Мама, а где кран? — спрашивает дочь. — И где мыло?

— Кран — это кувшин, — объясняет Северский. — А мыло — вон на полочке.

Смотрю на «полочку». На грубо сколоченной дощечке лежит кусок хозяйственного мыла размером с кирпич. Коричневого цвета. С волосами.

— Это не мыло, это... это что-то ужасное! — не выдерживаю я.

— Хозяйственное мыло, — спокойно поясняет хозяин. — От всех болезней помогает. И руки отмывает лучше любого вашего жидкого.

— Но оно же грязное!

— Волоски прилипли. Ничего страшного.

Волоски! Боже мой, это же антисанитария в чистом виде! Я представляю, какие микробы на этом куске...

— У нас дома мыло жидкое, — с гордостью заявляет Ро-

ма. — С запахом ванили. И пенится!

— Пенится, — кивает Северский. — От химии. А потом эта химия в реки стекает, рыбу травит.

Экологическая лекция! Не хватало еще, чтобы этот... этот лесной отшельник меня экологии учил!

— Извините, но жидкое мыло — это достижение цивилизации, — говорю назидательно. — Оно безопаснее и гигиеничнее.

— Безопаснее, — повторяет он. — А руки после него какие? Сухие, в трещинах?

А ведь правда... У меня после мытья руки всегда шершавые становятся. Приходится кремом мазать.

— Это... это индивидуальная особенность кожи, — выкручиваюсь.

— Конечно, — усмехается Северский. — Индивидуальная реакция на химию.

Рома тем временем добрался до печки:

— Дядя Никита, а где газ включается? А почему дрова внутри?

— Потому что печка дровяная, — терпеливо объясняет хозяин.

— А как она работает?

— Дрова горят, печка нагревается, в доме тепло становится.

— А если дрова кончатся?

— Новые наколю.

— А если топор сломается?

— Новый куплю.

— А если магазин закроется?

— Сам сделаю.

У Ромы глаза становятся круглыми, как блюдца:

— Ты умеешь топоры делать?

— Умею. И ножи. И посуду. И мебель.

Сын смотрит на Северского, как на супергероя. А меня это раздражает! Ну умеет он топоры делать, и что? В двадцать первом веке это не актуально! Сейчас важны другие навыки — владение компьютером, знание языков, умение работать в команде...

— Рома, — говорю сухо, — в современном мире важнее уметь пользоваться современными технологиями.

— А если технологии сломаются? — спрашивает сын.

Хороший вопрос. А действительно, что если? Если отключат электричество, если не будет интернета, если... Нет, глупости! Такого не может быть. Мы же в цивилизованной стране живем!

— Технологии не ломаются, — говорю уверенно. — Они постоянно совершенствуются.

— Угу, — кивает Северский. — Как на «Титанике». Тоже непотопляемый был.

«Титаник»! Какое сравнение! Это же совсем другое! Там айсберг был, форс-мажор...

Катя тем временем пытается навести порядок в доме. По

ее мнению, конечно. Она расставляет какие-то банки по размеру, вытирает пыль своим платочком (платочком, который я специально взяла в поход!), и что-то напевает под нос.

— Катенька, что ты делаешь? — спрашиваю.

— Убираюсь, — отвечает дочь. — Здесь же очень грязно. Дядя Никита, наверное, не умеет убираться. Он же мужчина.

Северский фыркает:

— Умею. Просто не вижу смысла каждый день пыль протирать. Завтра она опять появится.

— А мама говорит, что дом — это лицо хозяйки, — сообщает Катя.

— Хозяйки, — повторяет Северский и смотрит на меня.

— А если хозяин?

— Хозяин тоже должен следить за порядком! — возмущаюсь я. — Это же элементарная гигиена!

— Гигиена — это когда чисто. А у меня чисто. Пыль — это не грязь.

— Конечно, грязь! В пыли миллионы микробов!

— И в воздухе их не меньше. Что, воздух тоже протирать будете?

Логика железная, зараза! А ведь не поспоришь. Хотя... все равно это не повод жить в свинарнике!

Рома обнаружил книжную полку:

— Дядя Никита, а почему у тебя книги такие старые? И без картинок?

Смотрю на полку. Действительно, книги какие-то древ-

ние. «Следопыт», «Охотничьи рассказы», «Лесная энциклопедия»... И все потрепанные, зачитанные.

— Картинки в голове рисовать надо, — отвечает Северский. — А не в книжке искать.

— А как в голове рисовать? — интересуется сын.

— Читаешь слова, а мозг сам картинки показывает.

— Как кино?

— Лучше кино. Потому что твое.

Рома задумывается. Вижу, что его это заинтриговало. А меня опять раздражает! Дети и так мало читают, а он их еще больше запутывает своими философскими рассуждениями!

— Рома, — говорю строго, — книги с картинками развивают визуальное мышление. Это научно доказано.

— А книги без картинок развивают воображение, — парирует Северский. — Это тоже научно доказано.

Спорить не буду. Все равно этот медведь последнее слово за собой оставит.

Катя тем временем обнаружила еще одну проблему:

— Мама, а где мы спать будем? Здесь же только одна кровать.

Смотрю на «кровать». Деревянные нары, застеленные каким-то одеялом непонятного происхождения. Скорее всего, самодельным. И, судя по запаху, давно не стиранным.

— Мы... мы найдем что-нибудь, — неуверенно говорю.

— Спальные мешки в рюкзаке есть? — спрашивает Северский.

— Есть, но... — вспоминаю наши тонкие туристические спальные. — Они же летние. А ночью в лесу холодно...

— Не замерзнете. Печку натоплю.

— А если она погаснет?

— Подброшу дров.

— А если вы заснете?

— Не засну.

Не заснет! Да как это — не заснуть? Человек же не робот!

— Люди не могут не спать, — возражаю. — Это физиологическая потребность.

— Могут. Если надо. В армии приучают.

Армия! Ну конечно, все объясняется. Военный. Наверняка контужен, поэтому и сбежал в лес от людей. А может, и того хуже — может, его по статье списали...

Рома слушает наш разговор и вдруг спрашивает:

— Дядя Никита, а ты на войне был?

Северский замолкает. По лицу пробегают какие-то тени.

— Был, — коротко отвечает.

— А стрелял в плохих людей?

— Рома! — одергиваю сына. — Такие вопросы не задают!

— Почему? — удивляется мальчик. — Дядя Никита же хороший. Он плохих наказывал.

— Не все так просто, малой, — тихо говорит Северский.

— На войне не всегда понятно, кто хороший, а кто плохой.

В голосе появляется что-то такое... грустное. И я вдруг понимаю, что этот человек многое пережил. И сбежал в лес

не от хорошей жизни.

Но сочувствовать не собираюсь! У всех проблемы есть, но не все же в дикарей превращаются!

Катя подходит к окну:

— Дядя Никита, а почему у тебя занавесок нет?

— Зачем занавески? — удивляется хозяин.

— Чтобы красиво было. И чтобы никто не подглядывал.

— Кто тут подглядывать будет? Медведи?

— А вдруг кто-то придет?

— Никто не приходит. До меня добираются только такие... потерявшиеся, как вы.

Опять намеки! Да что он к нам привязался? Мы же не специально заблудились!

— Мы не потерявшиеся, — говорю с достоинством. — Мы временно дезориентированы в пространстве.

Северский смотрит на меня так, как смотрят на особо одаренных детей:

— Конечно. Дезориентированы. В двадцати километрах от ближайшей дороги.

— А как мы сюда попали, если так далеко? — спрашиваю.

— Кругами ходили. Часа три. Следы видел.

Кругами! Три часа! А я думала, мы целенаправленно идем...

— Невозможно! У нас компас есть!

— Покажите.

Достаю из рюкзака компас. Туристический, красивый,

купленный в спортивном магазине за немаленькие деньги.

Северский берет его, крутит, качает головой:

— Китайский?

— Ну и что? Зато недорогой!

— Дешевое — значит плохое. Магнитная стрелка заедает.

Заедает! Не может быть! Я же проверяла его дома, на кухне, он прекрасно работал!

— Дома он работал отлично!

— Ну успел сломаться. Вы ж подешевле хотели.

То есть получается, что мы заблудились из-за неисправного компаса?! Да это же... это же обман покупателей! Я в магазин жалобу напишу!

— Безобразие! — возмущаюсь. — Продают бракованный товар!

— Не бракованный. Просто дешевый. За качество надо платить.

Опять мораль! Да откуда он знает, сколько этот компас стоил? Может, он как раз дорогой был!

Рома тем временем нашел новое развлечение — изучает содержимое банок на полках:

— Дядя Никита, а что это за зеленые огурцы? И почему они в банке плавают?

— Огурцы соленые. Я их сам засолил.

— А это?

— Грибы.

— А это?

— Мясо тушеное.

— Ты сам делал?

— Сам.

— А как?

— Да просто. Мясо в банку, соль, специи, и в погреб. Готово.

Рома в восхищении. А я в ужасе! Домашние консервы — это же ботулизм в чистом виде! Смертельно опасно!

— Детям нельзя домашние консервы! — выпаливаю. — Это может вызвать отравление!

— Если неправильно готовить — может. А если правильно — не может.

— А откуда вы знаете, что готовите правильно?!

— Двадцать лет ем — пока живой.

Логика опять железная! Но все равно это опасно. Мало ли, может, ему просто везет...

Катя обнаружила веник в углу:

— Дядя Никита, а почему у тебя веник такой страшный?

Смотрю на веник. Действительно страшный — какие-то корявые ветки, связанные веревкой.

— Березовый, — поясняет хозяин. — Сам делал.

— А в магазине нельзя купить?

— Можно. Но зачем, если можно самому сделать?

— А мама говорит, что лучше купить, чем делать самому, — сообщает Катя. — Потому что в магазине качество проверяют.

Северский смотрит на меня с усмешкой:

— Проверяют? Как ваш компас?

Попался! Ничего возразить не могу. Хотя... компас это частный случай! В целом-то магазинные товары качественнее самодельных!

— В магазинах есть сертификаты качества, — говорю назидательно.

— Есть, — соглашается Северский. — А толку?

И снова он прав! Проклятье, почему этот лесной философ всегда оказывается прав?!

Рома притаился с полки какую-то железяку:

— А это что?

— Капкан.

— А зачем?

— Браконьеров ловить.

— А кто такие браконьеры?

— Плохие люди. Зверей убивают. На продажу.

— А их можно наказывать?

— Можно. И нужно.

В голосе Северского появляются стальные нотки. И я вдруг понимаю — этот человек действительно опасен. Для браконьеров.

И почему-то от этой мысли мне становится не страшно, а... спокойно.

Хотя нет! Не должно быть спокойно! Он же дикарь! Неизвестно, что у него на уме!

Но дети к нему тянутся, как цветы к солнцу. И кот мурлычет. И в доме, несмотря на пыль и старье, как-то... уютно.

Нет! Это все иллюзия! Завтра мы уедем отсюда, и забудем этого странного человека, как страшный сон!

Хотя... а что если не страшный?

Глава 3

Никита

Господи, дай мне терпения! Или лучше дай мне ружье — быстрее покончу с мучениями.

Утром проснулся от такого грохота, как будто медведь решил в моей избе танцы устроить. Вылезаю из спального мешка (да, пришлось и мне на полу ночевать — джентльмен, мать его), а на кухне... на кухне творится такое, что армагеддон по сравнению с этим — детский утренник.

Найденова стоит у моей печки с видом полководца перед решающей битвой. Волосы растрепаны, как у Медузы Горгоны, на лице боевая раскраска из сажи, а в руках... в руках она держит мою кастрюлю, как щит, и размахивает половником, как мечом.

— Доброе утро, Никита Иванович! — бодро сообщает она. — Я решила приготовить завтрак!

О, мать честная! Это как если бы обезьяна решила провести операцию на мозге. Или как если бы медведь захотел станцевать лебединое озеро.

— Что... что вы делаете? — выдавливаю из себя, разглядывая поле боя.

Моя кухня выглядит так, как будто по ней прошел ураган, потом землетрясение, а следом — нашествие саранчи. Везде мука (откуда она ее взяла?!), на плите что-то шипит и воня-

ет, а из печки валит черный дым, как из паровоза.

— Готовлю диетический завтрак для детей! — гордо заявляет Найденова. — Овсяную кашу с лесными ягодами и травяной чай!

Овсяную кашу! С лесными ягодами! Да она что, совсем ума лишилась?!

— Какие ягоды? — спрашиваю, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом.

— А вот эти красивые красненькие! — показывает она на миску. — Рома нарвал целую горсть!

Смотрю в миску и чуть в обморок не падаю. Волчьи ягоды! Ядовитые, как змея после развода! От них такое расстройство желудка будет, что дети неделю из туалета не вылезут!

— Это же волчьи ягоды! — ору я. — Ядовитые!

— Как ядовитые? — бледнеет Найденова. — Но они же такие красивые!

— Мухоморы тоже красивые! Тоже будете в суп добавлять?!

Она роняет половник и хватается за сердце:

— Боже мой! А дети... они же могли...

— Где дети? — рявкаю я.

— На улице играют... они сказали, что нашли «съедобные корешки»...

Съедобные корешки! Да они там всю белладонну перепробуют!

Выскакиваю на улицу, как ошпаренный. Вижу картину — Рома и Катя сидят под березой и деловито жуют какие-то корни.

— Стоять! Выплевывать! Немедленно! — кричу, как командир в атаке.

Дети подпрыгивают от неожиданности. Рома едва не подавился корешком.

— Что это вы едите? — спрашиваю, стараясь не орать.

— Морковку лесную, — спокойно отвечает Катя. — Рома сказал, что она сладкая.

Беру у них из рук «морковку». Действительно, дудник обыкновенный. Съедобный. Даже полезный. Но они же не знали! Могли и болиголов нарвать!

— Слушайте меня внимательно, — говорю строго. — В лесу НИЧЕГО нельзя есть без моего разрешения. НИЧЕГО! Понятно?

— А почему? — удивляется Рома. — Звери же едят.

— Звери знают, что съедобное, а что нет. А вы — не знаете.

— А откуда звери знают? — интересуется Катя.

— Их мамы научили. А ваша мама сама не знает.

— А ты знаешь? — спрашивает Рома.

— Знаю.

— А научишь нас?

— Научу. Но потом. А сейчас идем завтракать.

Возвращаемся в дом. Найденова стоит у плиты и тычет в

кашу ложкой, как будто пытается ее убить.

— Что-то она не получается, — сообщает она виноватым тоном. — Все время пригорает.

Смотрю в кастрюлю. То, что там творится, сложно назвать кашей. Скорее это какая-то серая масса с вкраплениями черных хлопьев. Пахнет горелой резиной.

— А что вы туда добавили? — спрашиваю.

— Овсянку, воду, соль... — перечисляет она.

— А это что? — тыкаю ложкой в черные хлопья.

— А... а это, наверное, от огня. Не могу понять, как регулировать температуру у этой печки.

Не может понять! Да тут все проще простого — подбросил дрова, стало жарче, убрал — прохладнее. Что тут сложного?

— А воды сколько налили?

— Ну... немного. Чтобы не жидкая была.

Пробую эту «кашу». Во рту сразу ощущение, как будто песком с цементом кормят. И соли она высыпала, наверное, полпачки.

— Мама, а почему каша такая странная? — спрашивает Катя, ковыряя ложкой серую массу.

— Это... это особый рецепт, — выкручивается Найденова. — Диетический.

— А можно я лучше хлеба поем? — робко просит Рома.

— Хлеба нет, — буркаю я. — Пеку сам, а вчера не успел.

— Как это — печете сам? — удивляется Найденова.

— А как по-вашему? Из воздуха материализую?

— Но ведь есть же магазины!

— До магазина сорок километров. За хлебом специально ездить?

Она задумывается. Видимо, впервые в жизни сталкивается с тем, что хлеб не растет на деревьях.

— А что же мы будем есть? — спрашивает она растерянно.

— То, что есть. Консервы, например.

— Но детям нельзя консервы! Там консерванты!

Консерванты! Да у меня консервы домашние, без всякой химии!

— В моих консервах только мясо и соль.

— А как же витамины? Дети должны получать витамины!

— Получат. На улице полно витаминов растет.

— На улице? — ужасается она. — Но это же антисанитария!

Антисанитария! Да вся ее цивилизованная еда из коробок и пакетов — вот где настоящая антисанитария!

Рома тем временем принялся изучать мои запасы:

— Дядя Никита, а почему у тебя так много банок?

— На зиму заготавливаю.

— А зачем? Зимой же тоже можно в магазин ходить.

— Зимой дороги заметает. Месяцами добраться нельзя.

У мальчишки глаза становятся круглыми:

— Совсем нельзя?

— Совсем.

— А как же продукты?

— А вот так, — показываю на банки. — Заготовил летом — зимой ешь.

— Как белки! — восхищается Катя. — Они тоже на зиму запасы делают!

— Точно как белки, — соглашаюсь.

Найденова слушает наш разговор с таким видом, как будто мы рассказываем ей о жизни на Марсе.

— Но ведь это же... это же средневековые какое-то! — возмущается она.

— Это жизнь, — отвечаю спокойно. — Настоящая жизнь.

— Настоящая жизнь — это когда есть интернет, отопление, водопровод!

— Это комфорт. А жизнь — это когда сам себя обеспечиваешь.

Катя подходит к окну:

— Дядя Никита, а почему твой котик на улице сидит?

Смотрю в окно. Генерал действительно сидит на крыльце и смотрит куда-то в лес. Настороженно так смотрит.

— Что-то почуял, — говорю. — У него нюх хороший.

— А что он мог почуять? — интересуется Рома.

— Всякое. Зверя. Или людей.

— Каких людей? — тут же напрягается Найденова.

— Всяких. Туристов. Грибников. Браконьеров.

При слове «браконьеры» у нее лицо становится зеленова-

ТЫМ.

— А... а они опасные?

— Всекие бывают. Но обычно трусливые. Увидят, что дом жилой, стороной обходят.

— А если не обойдут?

— Тогда объясню им, что тут им делать нечего.

— А как объясните?

Показываю на ружье в углу.

— Понятно как.

Найденова бледнеет еще больше:

— Но это же... это же самосуд!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.